

ФИЛОСОФИЯ, СОЦИОЛОГИЯ, ПОЛИТОЛОГИЯ

УДК 1(091)

О.К. Кошмилло

ТРАНСЦЕНДЕНТАЛЬНАЯ ЭКОНОМИКА И. КАНТА:
СВОБОДНЫЙ БАЛАНС ЧУВСТВЕННОГО ПРЕДЛОЖЕНИЯ И РАССУДОЧНОГО СПРОСА

В статье говорится о принципиальном значении трансцендентальной философии Иммануила Канта для формирования экономических парадигм эпохи Модерна. Включив в субъект на правах особого принципа мотив свободной целесообразности, Кант сконструировал его как автономный способ балансировки реального предмета и идеального понятия. Автономность трансцендентальной балансировки на онтологическом уровне зафиксировала режим тотальной экономизации отношений субъекта и мира, обеспечив фундамент развития либеральной экономики Запада. Статья будет интересна специалистам по философии экономических институтов Нового времени.

Ключевые слова: субъект; автономность; понятие; предмет; спрос; предложение.

Кантовский проект отличается ключевым статусом мотива *свободной*, или автономной, целесообразности. Условием имманентной замкнутости кантовского субъекта оказывается свободный баланс логического понятия и эстетического предмета, чьим практическим выражением становится вся либеральная идеология свободного рынка. Сложной, но предельно концептуальной процедурой Кант сконденсировал в трансцендентальной структуре автономного субъекта прежние исторические формы балансировки идеального спроса и реального предложения. Хотя до сих пор ситуация была иной. В течение предшествующих столетий экономическая практика человеческого деятели была частной проекцией мировоззрений, базирующихся на исключительности либо природно-космического, либо божественного законодательства. Только в эпоху антропоцентричного Нового времени по исчезновении сакральных – природной и божественной – инициатив спрос и предложение фокусируются на самом автономном субъекте, который символизирует их баланс в функции *капитала*. Онтологическая вершина этой фокусировки выявляется в учении Канта о свободе, чьим содержанием является баланс рассудочного спроса и чувственного предложения.

Эстетическая оценка и чувственное предложение. Структурным знаменателем трансцендентальной философии Канта выступает оценка как всеобъемлющее отношение субъекта к объекту. В соответствии с тремя фундаментальными зонами субъекта – эстетической чувственностью, логическим рассудком и нравственным разумом – оценивающая деятельность выступает в трех основных ипостасях – эстетической, логической и нравственной. Будучи наиболее простой и естественной, эстетическая оценка начинается с оптического определения как созерцания объекта в условиях тотальной погруженности субъекта в горизонт многообразной чувственности с линией границы, определяющей весь возможный опыт. На этом уровне внешняя вещь, а с ней и вся природная реальность, обладает абсолютной властью над человеком, делая его в известной степени пленником реальности в переживании голода или сытости, здоровья или болезни, удовольствия или неудовольствия от созерцания красоты или безобразия.

На уровне чувственности человек ощущает себя заброшенным в мир, в природу, зависимым от внешней

данности, ему внеположной. Проблема в том, что здесь он вынужден довольствоваться только тем, что дано, тем, что реальность ему предлагает в качестве наличных обстоятельств, однородных и в яблоке (вкусном или невкусном), и в Джоконде Леонардо да Винчи (прекрасной или безобразной) [1. С. 75]. Дискомфорт зависимости от реальности фиксируется в формулировке эстетического суждения, которое, хоть и опирается на априорные формальные условия в виде времени и пространства, не обладает той специальной объективностью, что обеспечивает безальтернативность суждения типа «камень тяжел».

Та же субъективность чувственной оценки присуща и определению объекта в отношении его к прекрасности в качестве суждения вкуса. Даже будучи укорененными в повседневности, вкусовые ощущения обладают уникальностью и не могут быть измерены в объективных единицах понятности. Венцом эстетической оценки является определение вещи в оптической сбалансированности ее формы и содержания или субъективной, формальной целесообразности, лишенной логической, рассудочной цели. Эстетическое суждение в силу своей субъективности лишено объективной всеобщности, благодаря которой могло бы распространить свою силу на каждого субъекта. В силу нетранслируемости вкуса здесь каждый сам по себе, каждый единичен:

«В самом деле, кто-нибудь может перечислить мне все ингредиенты какого-то блюда и о каждом из них заметить, что оно мне вообще-то приятно, и, кроме того, справедливо похвалить это блюдо как полезное для здоровья – я остаюсь глухим ко всем этим доводам, пробую блюдо своим языком и небом и на основании этого (а не исходя из общих принципов) высказываю свое суждение» [2. С. 218]. В том смысле, что суждения вкуса – единичные суждения, связывающие свой предикат как предмет удовольствия не с понятием, а с «данном эмпирическим представлением» [Там же. С. 222], эстетическая оценка – это единственный эффект чувственной каузальности, где чувственно объективный предмет тотально, полностью и безусловно определяет оценочное понятие как субъективное.

Логическая оценка и обусловленность чувственного предложения рассудочным спросом. В отличие от эстетической *логическая оценка* обладает объектив-

ным характером. Эта оценка апеллирует к необходимому всеобщим основаниям, имеющим гарантированную достоверность в тотальной достоверности понятий. Понятия – это элементарные формы, которые, будучи равно представлены в каждом, обеспечивают взаимопонимание всех, когда дважды два всегда, а главное, для всех – четыре и только четыре, «а не пять, а не семь, это ясно всем». Дело обстоит так, что рассудок внутри субъекта перпендикулярно выстраивает над горизонтом чувственности вертикаль рассудочных понятий. Понятия осуществляют «синтезы многообразных ощущений», т.е. аккумулируют, сгущают генеральные свойства вещи, игнорируя второстепенные. Они, словно трафареты, выделяют в вещах условную суть, выжимают из единичных яблок экстракт, сок всеобщего логического значения, что обладает свойством проницаемости и коммуникативной транслируемости. И теперь предмет, будучи выведен, редуцирован к понятию, становится доступен для каждого.

Априорное понятие обладает свойством, иницируя, переподчинять единичную вещь. Отвлекая от конкретного яблока несущественные свойства, понятие интегрирует в себе то главное, что значимо для всех яблок без исключения, и тем самым формирует идеальное яблоко,

которое *снимает* все эмпирические, реальные яблоки. И, таким образом, все эти вещи как бы обмениваются, покупаются этим понятийным, идеальным яблоком, без остатка исчезая в нем. Понятийная категоризация мира совлекает с реальности некую эфемерную кожуру значений. Подобная сеть, эта логическая кожа образована сочетанием понятийных ячеек, связи между которыми уже отличны от связей обозначенных ими вещей, образуясь по совершенно другим законам. В процессе своего возвышения над горизонтальной реальностью логическая сеть приобретает фигуру вертикального конуса. Этот конус, все более и более аккумулируя, сгущая уже не только предметы, но и конкретные единичные понятия, центростремительно заостряется к вершине, где образуются наиболее абстрактные, всеобщие понятия типа «субстанция», «необходимость», «качество». И в конечном итоге над горизонтом реального Предмета встает вертикаль идеального Понятия.

Структура рассудочного синтеза имеет трехчастную форму умозаключения «Понятие есть Предмет». Относительно всех трех элементов этого нулевого трансцендентального умозаключения и в соответствии с четырьмя логическими планами выстраивается таблица основных категорий.

Система рассудочных форм в философии Канта

Категория	Понятие	Есть	Предмет
Количество	Всеобщность	Особенность	Единичность
Качество	Отрицательность	Определенность	Положительность
Темпоральность	Одновременность	Субстанциальность	Последовательность
Модальность	Необходимость	Действительность	Возможность

Таким образом, логическая оценка представлена в объективном познании. На этом уровне уже понятие выступает точкой отсчета, задавая рамку оценки предмета, являющегося чем-то случайным и производным от понятия. Идеальное понятие здесь наделяется привилегированной функцией всеобщей и необходимой сущности, полномочной активно определять то или иное значение своего предмета.

Свободный баланс логического спроса и чувственного предложения. По Канту, суждение о том или ином природном или искусственном предмете в отношении его эстетической целесообразности, всегда формальной и субъективной, основано на чувстве удовольствия и неудовольствия. Эти два чувства, замыкая линейку всего многообразного чувствования, добавляют к непосредственным ощущениям слуха, зрения, вкуса, обоняния, осязания особый оценочный характер: цветок уже не просто *пахнет*, а *хорошо* или *плохо* пахнет. То есть эти оценивающие чувства выводят непосредственное чувствование с горизонтали непосредственного восприятия на качественно иной уровень вертикали оценки, впрочем, пока только субъективной. Раздвоенность оценочного чувства на удовольствие и неудовольствие выражает принципиальную оппозицию *баланса* и *дисбаланса* между субъективным понятием и объективным предметом, т.е. между субъектом и вещью и в итоге – человеком и миром. Необходимой целью души, по Канту, выступает баланс субъекта и мира, их равновесие, свободно и непринужденно

переживаемое в удовольствии: «Удовольствие от предмета зависит от отношения, в какое мы хотим поставить воображение, но так, чтобы оно и само поддерживало свободную деятельность души. Если же, напротив, нечто другое определяет суждение – ощущение ли [внешних] чувств или рассудочное понятие, – то хотя это суждение и будет закономерным, но оно не будет суждением *свободной* способности суждения» [2. С. 206]. Поскольку «определяющее основание этого суждения чисто субъективно (удовольствие или боль)» [2. С. 264–265], все разнообразие эстетических суждений субъективного ощущения от исходного предмета замыкается в амплитуду между удовольствием баланса и аффектирующей болью дисбаланса. И если удовольствие баланса – это эффект освобождения, восполнения субъекта и его воображения до оптимума и осуществления идентичности как топической целостности и хронической непрерывности, то боль дисбаланса – это эффект прерывания и нарушения целостности субъекта, как сказано, либо внешним чувством, либо рассудочным понятием.

Строгим соблюдением императива свободы как *автономности* Кант проводит линию жесткой демаркации имманентной зоны субъективности и трансцендентной зоны внеположной субъекту реальности. Основной пропорцией этой пограничной ситуации становится то, что целостность одной зоны осуществляется за счет другой, и то, что здесь «хорошо» для одного – «плохо» для другого. В этом смысле «удовольствие» – это аффект пола-

гания идентичности субъекта в ущерб целостности реальности, а «боль» – это дисбалансирующая страсть как аффект отрицания тождественности субъекта со стороны реальности. В свою очередь страсть распадается на два полюса – минорный и мажорный. Оппозиция отождествляющего баланса и двух обратных по воздействию дисбалансов, оформляясь в ортогональном пересечении вертикальной и горизонтальной осей, фиксирует опорную точку конструирования всего кантовского субъекта (рис. 1).

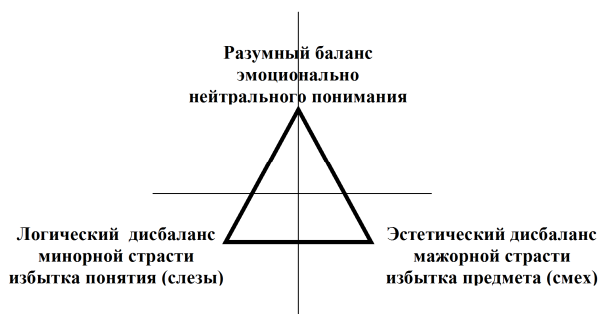

Рис. 1

В трансцендентальной механике балансировки кантовской субъективности дело обстоит так, что центральная исключительность свободного удовольствия тождественности уравнивается аффецирующими полюсами разотождествления, либо предметным, либо понятийным. Предметный, или эстетический, полюс характеризует *мажорная* аффециация избыточным предметом выходящего за пределы понятия и провоцирующего смех удовольствия. Понятийный, или логический, полюс отличает *минорная* аффециация избыточным понятием, с лишком покрывающим предмет и вызывающим слезы страдания. В описании чрезмерностей минорной и мажорной эмоциональности Кант предлагает трансцендентальную интерпретацию максимы Спинозы о предпочтении баланса понимания аффектам смеха и плача, нарушающим душевный покой полной идентичности субъекта.

Итогом трансцендентальной балансировки субъекта выступает высвобождение субъекта из-под гнета со стороны как объективного предмета, так и объективного понятия. Способом такого освобождения становится полагание границы его собственной внутренней свободы. Ключевым значением этого факта оказывается то, что уравнивающая чувственный предмет и логическое понятие свободная граница между ними относится только и только к субъекту в качестве его основной характеристики. Тем самым Кант осуществляет перенос границы между реальным предметом и идеальным понятием от них самих внутрь свободного субъекта. Более того, сам этот перенос и делает субъекта свободным.

Наиболее очевидным факт импликации основания свободного баланса внутри субъекта становится в отношении кантовского субъекта к красоте. В § 59 «Критики способности суждения» Кант, заявляя, что прекрасное – всего лишь «символ нравственно доброго» [2. С. 278], лишает красоту свойства объективности. Основание внушающего чувство прекрасного баланса гармоничности целиком пребывает в душе самого чув-

ствующего прекрасное. В силу этой «внутренней возможности» душа видит себя относящейся к сверхчувственной основе свободы [Там же. С. 278]. Восприятие объекта в его гармоничности, эстетической сбалансированности возможно на основе заранее данного, априорного понятия, которым, по словам Канта, субъект *вносит целесообразность*, не нуждаясь для нее в какой-либо особой цели вне субъекта [2. С. 289]. Интерпретируя объективную прекрасность природы как *красоту-для-нас*, Кант определяет свободную целесообразность как результат дифференциации субъективной и объективной целесообразности.

Две последние различаются по способу отношения к природной вещи либо как к причине, либо как к цели действия. В рамках субъективной целесообразности рефлексивно выводимое из реальной вещи идеальное понятие случайно и субъективно. Однако в условиях объективной целесообразности, напротив, определяющее вещь в органическую целостность идеальное понятие объективно и необходимо [2. С. 293]. Иллюстрируя различие субъективной и объективной целесообразности, в § 65 в качестве практического примера Кант как раз приводит конкретную экономическую ситуацию: «...например, дом: хотя он и причина денег, которые получают, отдавая его в наем, но, с другой стороны, представление об этом возможном доходе было причиной постройки дома» [Там же. С. 296].

Либо сдаваемый внаем реальный дом является причиной получения денег, либо, наоборот, идеальное «представление» о возможном доходе от сдачи в аренду само выступает причиной постройки дома. Порядок предшествования и причинения реальной вещью (домом) идеального понятия (денег) Кант называет «связью реальных причин», но порядок предвосхищения идеальным понятием (деньгами) реальной вещи (дома), (что, собственно, и называется *инвестированием*) обозначается как «связь идеальных причин».

Субъективная целесообразность, определяясь не «природой вне вещи», исходит из приоритета реальной вещи перед идеальным, но субъективным понятием, объективная же целесообразность предполагает априорность идеального и объективного понятия по отношению к реальной вещи [3. С. 81–84] (рис. 2). В плане балансировки понятия и предмета Кант различает два фундаментальных типа суждения – рефлектирующее и определяющее: «Способность суждения можно рассматривать либо просто как способность *рефлектировать* согласно некоторому принципу о данном представлении ради понятия, возможного благодаря этому, либо как способность *определять* лежащее в основе понятие данным эмпирическим представлением» [1. С. 78].

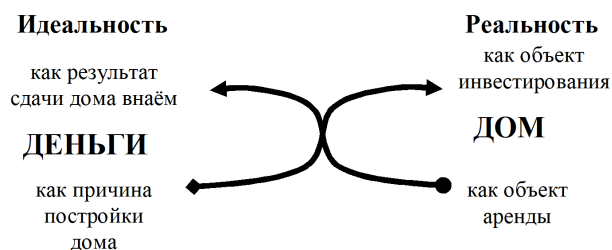

Рис. 2

Отличие суждений сводится к тому, что рефлексивное суждение отталкивается от предмета, созерцая его в качестве основания определения субъективного понятия как *критического*, тогда как определяющее суждение *догматически* исходит из априорного понятия, принимаемого за объективную причину, а его предмет рассматривающее лишь как следствие [2. С. 308]. Оба суждения образуют круг (рис. 3).

В рамках предположенного здесь способа онтолого-экономического анализа это означает, что порядок *рефлексирования*, обосновывающего понятие предметом, относится к экономическому порядку, где реальный товар детерминирует идеальную стоимость, а порядок *определения* предмета понятием выступает основанием экономической модели, в которой капиталистическая стоимость определяет производимый трудом товар.

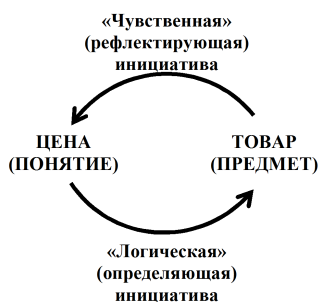

Рис. 3

Стремясь определить понятие *цели природы*, в § 74 Кант констатирует недостижимость этого «проблематического понятия» посредством этих двух типов суждений. Для рефлексирующей способности суждением понятие цели природы недостижимо по причине *трансцендентности* самого предмета, «так как природа в целом не дана нам как органическая» [2. С. 318]. А для определяющей способности суждения оно недостижимо в силу бесконечной недостаточности *объективности* его понятия, и «мы не можем даже а priori обосновать такое понятие как приемлемое в смысле его объективной реальности» [Там же. С. 319–320]. Значит, делает вывод Кант, «принцип, который должен сделать возможной совместимость обоих принципов при суждении о природе согласно им, следовало бы усматривать в том, что лежит вне обоих (стало быть, и вне возможного эмпирического представления о природе), но содержит основание последнего, т.е. в сверхчувственном, и каждый из этих двух способов объяснения следует с ним соотносить» [2. С. 320].

Для онтолого-экономического анализа значимым является то, что в § 76 Кант различает режимы теоретическо-рассудочной *конституции* и практическо-разумной *регуляции*. Так, в отличие от рассудка, который необходимо синтезирует свои понятия из объективной реальности, разум содержит вовсе не конститутивные принципы, а только регулятивные. Основанное на регулятивных принципах разума познание объектов выходит за пределы рассудка и его объективно значимых понятий в имманентную сферу субъективно значимых идей и мыслит их по субъективным условиям. Лишенные конститутивных принципов регулятивные

суждения определяют объект не в том, что он *есть*, но в отношении исключительно человеческой цели как того, чем он *должен* быть [2. С. 323].

Именно поэтому, полагает Кант, как теоретический разум должен допускать идею необусловленной необходимости, так практический разум предполагает «свою собственную необусловленную каузальность» или *свободу*, т.е. различие конститутивного и регулятивного принципов в конечном итоге редуцируется к оппозиции природы и свободы. В отношении природы теоретический разум как трансцендентальное единство понятия и созерцания, рассудка и чувственности склоняется в зависимости от рассудочного либо чувственного акцента в сторону доминирования или понятия, или предмета соответственно. А в отношении свободы разум, игнорируя равно и объективность предмета, и объективность понятия, помещает себя в субъективный, имманентный центр равновесия между ними.

Таким образом, Кант выделяет три типа каузальности: *предметную* – значимую для чувственности; *понятийную* – значимую для рассудка, и *свободную* – для практического разума: «...свобода... служит для нас и для всех разумных существ... всеобщим *регулятивным принципом*, который не определяет объективно характер свободы как формы каузальности, а делает правило поступков согласно этой идее велением для каждого, притом с не меньшей значимостью, [т.е.] так, как если бы это действительно происходило» [2. С. 324]. Выведенная из трансцендентной сферы божественной инициативы и переориентированная на субъект *свободная* мотивация человеческой нравственности символизирует исключительно имманентную сбалансированность вертикали рассудка и горизонтали чувственности. Более того, только эта свободная каузальность – единственное основание абсолютной разумной идентичности субъекта как моральной самости.

Таким образом, в сфере *этической* оценки звучит ответ на главный кантовский вопрос: «как возможны синтетические суждения a priori?»; как суждения, отождествляющие понятие и предмет, субъект и объект, сознание и действительность? Как выясняется, они возможны на имманентном основании *свободы*. На этическом уровне оценки и логическое понятие, и эстетический предмет не имеют друг перед другом никаких преимуществ, оба они равноправны в отношении общего для них центра тяжести весов разума, наполненного идеей *свободы*. В пребывающей в промежутке между эстетикой и логикой сфере этики происходит балансировка рассудочного понятия и чувственного предмета. Ее результатом становится *желание*, свободное от принуждения, как со стороны реального предмета, так и со стороны идеального понятия. Словом, Кант редуцирует все человеческое существо к свободе как принципу и результату автономного равновесия понятия и предмета, идеального и реального, мышления и бытия.

Кант как экономист-теоретик. На протяжении многих веков экономика как практика человеческой деятельности, не говоря о ее теоретической проекции, была отражением далеких от хозяйственной деятельности мировоззренческих установок, основанных на признании верховенства космического и божественного

законодательства. Так, в эпоху космоцентричной Античности экономика мира определяется доминированием стихийно-природного предложения над человеческим спросом и предстает в данности *ритуальной вещи* жертвоприношения. В эпоху теоцентричного Средневековья экономический символ обуславливается господством божественного спроса над человеческим предложением и фиксируется в задаваемом этим спросом *сакральном значении* объекта потребления как Божьего дара. В Новое время, когда прежние инициативы, природная и божественная, уходят на задний план или исчезают вовсе, а субъекту вменяется в ключевую обязанность автономно соизмерять свои потребности со своими возможностями, т.е. на субъективном основании балансировать спрос и предложение без упования на милости природы и Божью благодать, эти экономические векторы фокусируются на самом автономном субъекте, который символизирует их баланс в функции *капитала*.

Онтологический топос такой балансировки фиксируется в кантовской концепции свободной целесообразности, чьим содержанием является баланс рассудочного спроса и чувственного предложения. Как уже говорилось, структурной единицей трансцендентальной философии Канта выступает оценка как всеобъемлющее отношение субъекта к объекту. В каждой фундаментальной зоне человеческого существа – эстетической чувственности, теоретическом рассудке и этическом разуме – оценивающая деятельность предстает в трех основных ипостасях – эстетической, логической и этической.

Непосредственность эстетической оценки дается созерцательным определением объекта в обстоятельствах полной ангажированности субъекта горизонтом чувственности. Непосредственность и простота эстетической оценки отдают приоритет предмету перед понятием, делая чувственный предмет основанием оценки, а понятие оказывается производным и произвольным. Словом, в эстетической оценке реальный предмет определяет идеальное понятие, *давая* ему основание. Порядок такой оценки обуславливает экономическую перспективу определения идеальной цены реальным товаром и, соответственно, спроса – предложением. Представленная познанием логическая оценка формирует порядок, в котором понятие выступает точкой отсчета, задавая рамку оценки предмета, поскольку последний теперь уже является чем-то случайным и производным от понятия, т.е. спекулятивно-идеальное понятие обретает функцию всеобщей и необходимой сущности, властно определяющей то или иное значение своего предмета. Логическая оценка со стороны идеального понятия схватывает реальный предмет, *задавая* условия его существования. Экономической проекцией логического оценивания становится то, что цена обуславливает товар, предложение – спрос.

В противоположность двум предыдущим мотивам двигателем *этической* оценки выступает свободный, автономный мотив субъекта. В отношении этого мотива понятие и предмет не имеют друг перед другом никаких преимуществ. Оба они уравниваются на весах разума относительно общего для них центра тяжести в форме идеи свободы. Результатом свободной

балансировки становится желание, свободное от принуждения как со стороны реального предмета, так и со стороны идеального понятия. Экономически это выражается в добровольном взаимопризнании покупателя и продавца, спроса и предложения.

В соответствии с указанными типами каузальности в философии Канта формируются три фундаментальные экономические схемы:

1) чувственная экономика, где производство реальных товаров (предложение) определяет потребление и весь порядок оценивания (спрос);

2) рассудочная экономика, где спекулятивный спрос и его аксиология рождает все предложение;

3) свободная экономика, когда спрос и предложения равноправно определяют друг друга, достигая обоюдозеланного баланса, которую Кант и понимает как свободу.

Немецкий мыслитель продумывает трансцендентальную структуру нового человека, уравнивающего себя относительно автономной точки в виде идеи свободы. Теперь человек является предметом своей собственной балансировки, уже имея априорное понятие о ней. Экономической проекцией свободы, наполняемой различием понятия и предмета, выступает *капитал*, исполненный различием цены и товара.

Говоря об экономических выводах из трансцендентального учения Канта, важно заметить, что, если в «Критике чистого разума» описывается формирование сферы предложения природного объекта для субъекта, а значит, и Предложения как такового, где экономика предложения связана только с существованием наличной вещи, природной или произведенной, то «Критика практического разума» описывает формирование сферы субъективного мотива субъекта в качестве понятия и как такового Спроса, мотивируемого только логически.

В системном взаимодействии этих «Критик» «Критика способности суждений» призвана прояснить принципы согласования свободы и природы, т.е. свободного спроса и природного предложения, и в этом согласовании «...способность суждений соотносится исключительно с субъектом и сама по себе не порождает никаких понятий о предметах» [1. С. 75]. Только разумная, нравственная оценка выражает полное равновесие между единичной чувственностью предмета и всеобщей логичностью понятия. Этическая балансировка понятия и предмета назначает справедливую цену как рыночную стоимость – ни эстетическая, ни логическая цена не оценивают вещь адекватно. Априори полагаемое синтетическое суждение о тождестве понятия и предмета всего лишь желательно, но никогда не действительно. Но это-то как раз и нормально. Ведь только такое предоставление, гипостазирование *желаемого* как *должного* взамен *действительного* – условие балансировки понятия и предмета. А система балансировки понятийного спроса и предметного предложения, выступая машиной производства желания, сама производит из себя свой *собственный* центр, который ее уравнивает.

Другими словами, желание, по Канту, – это тот «спасительный» зазор, в котором коренится свобода

как принцип свободной конкуренции понятия и предмета, рассудка и чувственности, теоретического спроса и практического предложения, законодательства и самоорганизации, политики и экономики, в конце концов, всех со всеми в преодолении любой авторитарно устанавливаемой иерархии.

Кантовский принцип автобалансировки субъекта получает полноценное и сугубо имманентное значение в плане урегулирования чисто экономических векторов спроса и предложения. В этом смысле вся область предложения является экономическим выражением относящейся к реальности сферы предметов, получающих в экономике статус *товаров*. А спрос выступает экономической проекцией идеальной сферы понятийной оценки, что трансформирует-

ся в экономике в оценку денежную, когда *стоимость* оказывается экономическим понятием предмета как товара.

Как следствие, конституированный Кантом свободный баланс идеального понятия и реального предмета полностью отражается в укладе свободной, рыночной экономики, что автономно устанавливается в процессе уравнивания капиталистического спроса и товарного предложения в режиме свободного желания. Кантовский миф автономности, наполнив чисто экономический принцип баланса спроса и предложения своим собственным содержанием, поднял его на онтологическую высоту, сконструировав человека как имманентно замкнутую систему, независимую от чужеродной среды трансцендентной реальности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Кант И. Первое введение в критику способности суждений // Иммануил Кант. Критика способности суждений. СПб. : Наука, 2001. С. 65–113.
2. Кант И. Критика способности суждений. СПб. : Наука, 2001. 512 с.
3. Исаков А.Н., Сухачев В.Ю. Этнос сознания. СПб. : Изд-во СПбГУ, 1999. 264 с.

Статья представлена научной редакцией «Философия, социология, политология» 13 февраля 2012 г.